

Является ли ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ ДИЗЪЮНКТИВИЗМ СВЯТЫМ ГРААЛЕМ ЭПИСТЕМОЛОГИИ?*

Иванов Дмитрий Валерьевич – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, Гончарная ул., д. 12, стр. 1; e-mail: ivdmitry@mail.ru

В работе исследуется вариант такой современной теории восприятия, как дизъюнктивизм. Данная теория является версией прямого реализма. Ее суть заключается в том, что перцептивные состояния, обычно относимые к одному виду, предлагается рассматривать как дизъюнкцию двух видов опыта: достоверного и иллюзорного (галлюцинаторного). В случае достоверного восприятия содержанием перцептивного состояния является положение дел, на которое оно направлено. Иллюзорное восприятие не обладает подобным содержанием. Существуют две версии дизъюнктивизма – метафизический и эпистемологический. В статье анализируется эпистемологический дизъюнктивизм, прежде всего тезис Д. Притчарда о том, что данная теория позволяет разрешить спор интерналистов и экстерналистов относительно обоснования знания. Именно поэтому Притчард называет этот подход Святым Граалем эпистемологии. Для того чтобы принять эпистемологический дизъюнктивизм в качестве теории, позволяющей разрешить этот спор, необходимо ответить на возражения скептика и решить проблему отличия достоверного опыта восприятия от иллюзорного. В первой части работы анализируется вариант эпистемологического дизъюнктивизма, предложенный Дж. Макдауэлом, и отмечается, что квиетистский подход, используемый философом, хотя и позволяет преодолеть картезианский скептицизм, тем не менее не предлагает конструктивного решения проблемы отличия. Во второй части статьи реконструируется решение данной проблемы, предложенное Притчардом, которое заключается в сохранении принципа эпистемического замыкания, отказе от стратегии релевантных альтернатив и замене при обосновании перцептивного знания принципа различения на принцип предпочтения. Свой подход Притчард обозначает как неомуреанизм. В заключительной части исследования анализируется опровержение скептицизма, предложенное Дж. Муром, и витгенштейновская критика стратегии Мура, а также отмечается, что эта критика может быть направлена против решения проблемы отличия, разрабатываемого Притчардом.

Ключевые слова: эпистемология, эпистемологический дизъюнктивизм, восприятие, перцептивное знание, обоснование знания, скептицизм

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00862, <https://rscf.ru/project/23-28-00862/>. The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation No. 23-28-00862, <https://rscf.ru/en/project/23-28-00862/>

IS EPISTEMOLOGICAL DISJUNCTIVISM THE HOLY GRAIL OF EPISTEMOLOGY?

Dmitry V. Ivanov –
DSc in Philosophy,
Leading Research Fellow,
Institute of Philosophy,
Russian Academy of Sciences.
12/1 Goncharnaya Str.,
Moscow 109240,
Russian Federation;
e-mail: ivdmitry@mail.ru

The paper explores a variant of such contemporary theory of perception as disjunctivism. This theory is a version of direct realism. Its essence lies in the fact that perceptual states, usually attributed to one kind, are proposed to be considered as a disjunction of two types of experiences: veridical and illusory (hallucinatory). In the case of veridical perception, the content of the perceptual state is the state of affairs to which it is directed. Illusory perception has no such content. There are two versions of disjunctivism – metaphysical and epistemological. The article analyzes epistemological disjunctivism, primarily Pritchard's thesis that this theory allows resolving the dispute between internalists and externalists regarding the justification of knowledge. That is why Pritchard calls this approach the Holy Grail of epistemology. In order to accept epistemological disjunctivism as a theory that allows us to resolve this dispute, it is necessary to answer the objections of the skeptic and solve the problem of distinguishability of veridical and illusory perceptual experiences. The first part of the work analyzes the variant of epistemological disjunctivism proposed by McDowell, and notes that the quietist approach used by the philosopher, although it allows to overcome Cartesian skepticism, nevertheless, does not provide a constructive solution to the problem of distinguishability. In the second part of the article, the solution to this problem, proposed by Pritchard, is reconstructed, which consists in preserving the principle of epistemic closure, abandoning the strategy of relevant alternatives and replacing in justification of perceptual knowledge the principle of discrimination with the principle of favouring. Pritchard refers to his approach as Neo-Mooreanism. In the final part of the study, the refutation of skepticism proposed by Moore and Wittgenstein's criticism of Moorean strategy are analyzed, and it is also pointed out that this criticism can be directed against Pritchard's solution to the problem of distinguishability.

Keywords: epistemology, epistemological disjunctivism, perception, perceptive knowledge, justified knowledge, skepticism

Что такое эпистемологический дизъюнктивизм?

Дизъюнктивизм – вариант одной из четырех влиятельных теорий восприятия, которые обсуждались в аналитической философии. В первой половине двадцатого века доминировала теория чувственных данных, которая сменилась на короткое время адвербиализмом. Во второй половине двадцатого века наибольшую популярность приобрел интенционализм. Эту теорию по-прежнему поддерживает большинство философов, однако все чаще она критикуется с позиции прямого реализма – четвертого подхода к пониманию природы перцептивного опыта.

В первых трех теориях феноменальные характеристики восприятия не зависят непосредственным образом от отношения субъекта к миру. Согласно теории чувственных данных, восприятие определяется наличием особых феноменальных данностей, представленных во «внутреннем» пространстве сознательного опыта. Критикуя данную теорию, адвербиализм предлагает понимать феноменальные аспекты опыта не как особые объекты, чувственные данные, на которые направлено восприятие, а как характеристики ментальных актов (отсюда и название теории, поскольку именно с помощью наречия мы характеризуем действие, акт). Интенционализм объясняет сознательный опыт восприятия в терминах направленности на содержание. Часто интенциональные состояния понимаются как ментальные репрезентации, а ментальное содержание как пропозиции.

Существенное отличие прямого реализма от этих теорий заключается в том, что восприятие предлагается понимать в реляционных терминах, в терминах отношения к миру. Есть разные варианты прямого реализма, например такие, как наивный реализм или особая версия интенционализма, согласно которой в интенциональных актах мы направлены не на содержание, а на сами объекты внешнего мира, т.е. объекты интенциональных состояний – это реальные объекты. Отдельным вариантом прямого реализма является дизъюнктивизм. Для того чтобы уяснить, в чем заключается специфика этого подхода к пониманию восприятия, необходимо рассмотреть то, как он предлагает решать проблему иллюзии (галлюцинации).

Проблема иллюзии (галлюцинации) может быть представлена в виде следующего аргумента. Воспринимая какой-либо объект, мы воспринимаем прежде всего его определенные характеристики. В опыте иллюзии или галлюцинации объект восприятия отсутствует, следовательно, воспринимаемые характеристики относятся не к объекту, а к самому опыту. Поскольку опыт иллюзорного (галлюцинаторного) восприятия неотличим от достоверного восприятия с точки зрения своих феноменальных качеств, постольку в опыте достоверного восприятия мы также имеем дело прежде всего с характеристиками опыта, а не с самим миром.

Иначе говоря, поскольку мы не можем отличить из перспективы первого лица искаженный и достоверный опыты восприятия, постольку делается вывод об их тождественности. Можно сказать, что отождествление ментальных состояний этих двух видов опыта осуществляется относительно общего для обоих состояний элемента. Таким элементом не могут быть какие-либо характеристики воспринимаемого объекта или отношения к объекту, поскольку в искаженном опыте такой объект отсутствует. Следовательно, это могут быть только характеристики самих ментальных состояний, например чувственные данные, феноменальные качества или ментальное содержание.

Основное отличие дизъюнктивизма от конкурирующих теорий заключается в том, что представители данного подхода отказываются отождествлять ментальные состояния искаженного и достоверного опыта. Несмотря на то, что эти состояния могут быть неотличимы друг от друга с точки зрения их феноменальных характеристик, они не подобны друг от другу. В достоверном опыте восприятия мы имеем дело с определенным положением вещей p , которое также рассматривается как содержание ментального состояния. Иллюзорный опыт же не обладает подобным содержанием. Таким образом, согласно дизъюнктивизму, опыт восприятия в целом следует рассматривать в виде дизъюнкции двух разных состояний: либо мы воспринимаем p , либо нам кажется, что мы воспринимаем p .

В рамках дизъюнктивизма мы можем выделить метафизический и эпистемологический подходы. Если представители первого подхода стремятся объяснить саму природу перцептивных состояний, то сторонники эпистемологического дизъюнктивизма (Дж. Макдауэл, Д. Притчард), скорее, ориентированы на прояснение характера нашего эпистемического доступа посредством восприятия к миру. Однако, как отмечает Притчард [Pritchard, 2012], принятие эпистемологического дизъюнктивизма может привести нас и к принятию метафизического понимания восприятия, предлагаемого в рамках данной парадигмы. Разработку эпистемологического подхода связывают прежде всего с работами Макдауэла.

Макдауэл исходит из того, что «отношение между сознанием и миром является нормативным, и это значит следующее: мышление, нацеленное на суждение или на фиксацию убеждения, является ответом миру – тому, как вещи существуют, – независимо от того, корректно ли оно или нет» [McDowell, 1996, p. xii]. Рассматривая наше познавательное отношение к миру как нормативное, он опирается на идеи У. Селларса, который писал: «Определяя некий эпизод или состояние как знание, мы не даем эмпирического описания этого эпизода или состояния, а помещаем его в логическое пространство разумных оснований, т.е. в пространство обоснования и способности обосновывать то, что мы говорим» [Селларс, 2021, с. 102].

Старясь понять нормативный характер познавательной активности, мы можем попытаться представить отношение сознания к миру следующим образом. Мир снабжает нас неконцептуальными «сырыми» данными, которые обрабатываются сознанием и предстают в концептуально оформленном виде как содержание наших ментальных состояний. Макдауэл отвергает такое решение, обозначая его термином, используемым Селларсом, «миф о данном». Дело в том, что при таком решении мы можем лишь каузально описывать нашу сознательную активность. Однако при этом мы упускаем нормативный аспект – способность действовать и принимать решения в силу рациональных оснований (*reasons*). Это означает, что мы можем лишь

оправдывать наши рациональные решения, ссылаясь на соответствующую каузальную историю их принятия, но не обосновывать их. Можно сказать, что такое решение допускает натуралистическую ошибку при описании отношения сознания к миру.

Для того чтобы не совершить эту ошибку, мы можем попытаться занять когерентистскую позицию относительно обоснования. Обоснование нашей сознательной активности может происходить только из концептуальной сферы, только от других суждений и убеждений. Однако такой подход теряет связь с миром. Без ограничений же, накладываемых миром извне, наша сознательная активность рискует превратиться в игру пустых понятий.

Единственное решение, преодолевающее эти трудности, заключается в признании того, что опыт не является совокупностью неконцептуальных данных. Он изначально обладает концептуальным содержанием. Принимая такое решение, Макдауэл опирается на тезис Канта о том, что «мысли без содержания пусты, созерцания без понятий слепы» [Кант, 1994, с. 71]. Согласно Макдауэлу, содержанием нашего опыта, когда мы не обманываемся, является «то, что вещи такие-то и такие-то». Одновременно он отождествляет подобное содержание с самими фактами: «То, что вещи такие-то и такие-то, есть концептуальное содержание опыта, но... этот же самый момент, то, что вещи такие-то и такие-то, также является воспринимаемым фактом, аспектом воспринимаемого мира» [McDowell, 1996, p. 26]. Важно отметить, что ограничения со стороны мира накладываются на саму сознательную активность, а не на содержание наших ментальных состояний, которое совпадает с положением дел в случаях достоверного восприятия.

Анализируя эпистемологический дизъюнктивизм, Притчард отмечает, что данная позиция, если мы ее принимаем, способна помочь нам разрешить спор, который ведется между интерналистами и экстерналистами относительно проблемы обоснования знания [Pritchard, 2012]. Согласно эпистемическим интерналистам, условием обоснования знания является наличие у субъекта рефлексивного доступа к основаниям познавательной активности. Эти основания должны быть даны субъекту в его сознательном опыте, быть его частью. Однако наличие таких оснований и рефлексивного доступа к ним не гарантирует, что фактическое положение дел является таким, каким оно нам представляется в актах рефлексии. Объективность фактов, их независимость от сознания, не позволяет нам говорить о рефлексивном доступе к ним как основаниям познавательной деятельности. Иначе говоря, классические интерналистские теории не могут учесть фактуальность знания.

С точки зрения эпистемических экстерналистов, наша познавательная деятельность не зависит от рефлексивного доступа. Скорее, она определяется правильным (каузальным) отношением субъекта

к фактам. Однако, имея доступ к фактам, который обеспечивает соответствующее знание, субъект может быть не в состоянии отрефлексировать это и объяснить, откуда он знает тот или иной факт. Скажем, субъект, обладая определенными компетенциями, может различить два класса объектов (например, он способен отличить и отсортировать цыплят мужского и женского пола), которые постороннему наблюдателю кажутся тождественными, однако не быть в состоянии объяснить, как он это делает. Несмотря на то, что примеры такой компетенции существуют, вряд ли мы можем говорить, что субъект действительно обладает знанием, что его сознательная активность определяется именно нормативностью оснований, а не просто каузально детерминирована определенным образом.

Эпистемологический дизъюнктивизм претендует на то, что он способен учесть в объяснении восприятия и наш рефлексивный доступ к основаниям, и фактуальность перцептивного знания. Именно поэтому Притчард обозначает данную позицию как Святой Грааль эпистемологии. Однако мы сможем принять эту версию дизъюнктивизма как срединный путь, преодолевающий спор интерналистов и экстерналистов в эпистемологии, только если будем в состоянии ответить на возражения, которые выдвигаются против этой теории.

Основная проблема, с которой сталкивается эпистемологический дизъюнктивизм, заключается в следующем. Дело в том, что, несмотря на то, что в случаях достоверного восприятия мы имеем доступ к фактическому положению дел, которое также оказывается концептуально оформленным содержанием нашего сознательного опыта, скептик всегда может указать нам на то, что из перспективы первого лица мы не в состоянии отличить достоверный опыт от иллюзии или галлюцинации. Следовательно, мы не можем говорить и о наличии знания в ситуации достоверного восприятия. Эту проблему Притчард обозначает как проблему отличия (*distinguishability*).

Макдауэл не предлагает решения данной проблемы. Во многом это связано с квиетистской позицией философа. В философии термином «квиетизм» обозначают стиль мышления, который отказывается от конструктивной разработки каких-либо теорий, от позитивного решения проблем. Основной стратегией квиетизма является элиминация проблем, демонстрация либо их противоречивости, либо зависимости формулировки проблемы от конкретной социально-исторической практики. Элиминация проблемы также достигается за счет того, что мы напоминаем себе о тех аспектах определенной теоретической ситуации, которые мы не замечали, пытаясь напрямую решить проблему. Вероятно, квиетистскую стратегию в философии мы впервые обнаруживаем в пирроновском скептицизме. В двадцатом веке этим термином характеризовали в первую очередь философию Витгенштейна.

Занимая квиетистскую позицию, Макдауэл в духе Витгенштейна напоминает нам о тех аспектах сознания, которые мы упускаем,

увлекаясь решением проблемы соотношения сознания и мира. Напоминая себе, что сознание характеризуется не только феноменальными аспектами, которые позволяют нам мыслить его независимо от мира, но и нормативным характером, мы возвращаем связь с миром. Без мира как чего-то внешнего, от нас не зависящего, но ограничивающего нашу сознательную активность, нормативность сознательного опыта немислима.

Все это означает, что позиция Макдауэла позволяет нам в лучшем случае преодолеть наследие картезианского скептицизма, породившего пропасть между сознанием и миром. Преодоление картезианского скептицизма и устранение пропасти между сознанием и миром не означают, что мы предложили конструктивное решение проблемы обоснования знания, что эпистемологический дизъюнктивизм следует рассматривать именно как подобное конструктивное решение. Для демонстрации того, что эпистемологический дизъюнктивизм действительно способен решить проблему обоснования знания, нам все же необходимо ответить на вызов скептика и решить проблему отличия. Именно эту задачу ставит перед собой Притчард.

Притчард о проблеме отличия достоверного опыта от искаженного

Как отмечалось выше, по вопросу о перцептивном знании Притчард, как и Макдауэл, занимает позицию эпистемологического дизъюнктивизма. Однако в отличие от Макдауэла он не является квиетистом. Притчард полагает, что мы можем предложить конструктивное решение проблемы отличия. Такое решение позволит нам рассматривать эпистемологический дизъюнктивизм именно как теорию, которая объясняет, как возможно обоснование перцептивного знания. Важность же такой теории, как уже было сказано в первом разделе, определяется тем, что она позволяет разрешить спор интерналистов и экстерналистов относительно обоснования перцептивного знания.

Предлагая свое решение проблемы отличия, Притчард обращается к анализу принципа эпистемического замыкания, который можно представить следующим образом: Если S знает, что p , и знает, что из p следует q , то S знает, что q . Интуитивно этот вывод кажется верным. Однако его принятие сталкивает нас со следующей проблемой. Рассмотрим ее на примере доказательства внешнего мира, которое предлагает Дж. Мур, полемизируя со скептиком [Мур, 1993]. Как известно, доказательство Мура строилось на утверждении знания пропозиции «вот – одна рука». Из пропозиции «вот – одна рука» следует, что то, на что мы указываем, не является чем-то иным: искусной подделкой руки или ее иллюзией, галлюцинацией, сновидением и т.д.

Если мы можем сделать этот вывод, то из этого следует, что мы знаем, что в данный момент не имеем дело со всеми этими случаями, на которые мог бы указать скептик, оспаривая наличие у нас знания воспринимаемого положения дел.

Проблематичность доказательства Мура заключается в том, что скептик может всегда указать на то, что мы не можем отличить опыт восприятия руки от искаженного опыта, в котором нам только кажется, что мы воспринимаем руку. Если мы не можем различить эти два вида опыта, то мы не можем утверждать, что знаем, что не имеем дело с иллюзией, галлюцинацией, сновидением и т.д. Рассуждению Мура, построенному по форме *modus ponens*, скептик противопоставляет рассуждение формы *modus tollens*. Отрицая следствие, мы отрицаем также и антецедент, утверждающий, что мы знаем, что это – рука. Это не означает, что мы должны принять возражение скептика, скорее, с помощью доказательства Мура мы добиваемся ничьей в данном споре. Однако для опровержения скептика требуются более сильные аргументы.

Один из способов возразить скептику заключается в принятии стратегии релевантных альтернатив и в отказе от принципа эпистемического замыкания. Такой подход разрабатывал Ф. Дретске. Согласно ему, «знать, что X есть A, означает знать, что X есть A в рамках релевантных альтернатив, B, C и D. Это множество противопоставлений совместно с фактом, что X есть A, служит для определения того, чем является то, что некто знает, когда он знает, что X есть A. Невозможно изменить множество противопоставлений без изменения того, что, как предполагается, человек знает, когда предполагается, что он знает, что X есть A. Мы способны незаметным образом переключать эти противоположности и таким образом изменять то, что, как предполагается, человек знает, *без изменения предложения, которое мы используем для выражения того, что он знает*» [Dretske, 2008, p. 245]. Дретске использует следующий пример. Допустим, что некто знает, что животное, которое он наблюдает в зоопарке, является зеброй. Говоря, что данный человек знает этот факт, мы можем предполагать, что он способен отличить зебру от газели, антилопы и других животных и исключить эти релевантные альтернативы. Однако если мы полагаем, что релевантной альтернативой является также ситуация, когда перед человеком мог бы находиться искусно замаскированный, выкрашенный как зебра, мул, то утверждение о том, что человек знает, что это – зебра, принимает другой смысл. Оно предполагает способность субъекта выявить случаи обмана и отличить достоверный опыт восприятия объекта от искаженного опыта, несмотря на то, что они тождественны относительно всех своих феноменальных характеристик.

Поскольку субъект не способен провести такое различие, постольку рассмотрение ситуации с мулом в качестве релевантной

альтернативы позволяет скептику утверждать, что данный субъект не знает, что перед ним находится зебра. Единственный способ, по мнению Дретске, возразить скептику заключается в исключении случая с мулом из набора релевантных альтернатив. Это значит, что наличие знания определяется не способностью исключить любую альтернативу, даже самую невероятную, а умением отбросить только релевантные альтернативы. Все это приводит к необходимости отказаться от принципа эпистемического замыкания.

Иной способ ответить на вызов скептика предлагает Притчард. Он пытается сохранить принцип эпистемического замыкания и фактически отказывается от стратегии релевантных альтернатив. По его мнению, суть возражения скептика заключается в указании на невозможность различить достоверный и искаженный опыты восприятия. Соглашаясь с этим пунктом, Притчард предлагает отказаться от принципа различения (*the discrimination principle*), согласно которому если S обладает перцептивным знанием, что p , и S знает, что не- q , то S должен быть способен перцептивно отличить p от q . Например, зная, что перед нами зебра, и зная, что это не искусно раскрашенный мул, мы должны быть способны перцептивно отличить эти две ситуации. Взамен он предлагает, обосновывая наше знание, опираться на принцип предпочтения (*the favouring principle*), который можно сформулировать следующим образом: если S знает, что p , и S знает, что не- q , и S знает, что из p следует не- q , то S имеет лучшее основание в поддержку убеждения, что p , чем в поддержку убеждения, что q . Например, если мы знаем, что перед нами зебра, и знаем, что это не искусно раскрашенный мул, а также можем осуществить соответствующий вывод, то у нас должно быть больше оснований придерживаться убеждения, что перед нами зебра, чем убеждения, что перед нами искусно выкрашенный мул.

Каким образом замена принципа различения на принцип предпочтения позволяет нам решить проблему отличия, с которой сталкивается эпистемологический дизъюнктивизм? Для того чтобы ответить на этот вопрос, рассмотрим парадигмальный случай визуального восприятия, когда перцептивный опыт является основанием знания. Иначе говоря, в этом случае на вопрос, откуда мы знаем определенный факт p , мы отвечаем указанием на то, что мы видим, что p . Например, на вопрос, откуда мы знаем, что начальник на работе, мы можем ответить, что мы видели его в кабинете. Как отмечает Притчард, такой опыт должен удовлетворять ряду параметров.

Прежде всего восприятие должно быть достоверным (*veridical*). Однако достоверное восприятие еще не является видением, что p . Можно сказать, что достоверное восприятие является видением объекта, но не факта.

Таким образом, перцептивное знание должно быть также основано на видении, что p . При этом видение должно рассматриваться

как эпистемическое отношение к факту. Это значит, что оно не должно быть результатом случайности. Скажем, ситуация, когда мы обладаем достоверным восприятием объекта, но находимся в искаженном состоянии сознания, например под действием галлюциногенов, вряд ли может быть расценена как ситуация видения факта, даже если мы заявляем, что видим, что p . В такой ситуации наше видение не связано систематическим образом с фактом p , а определяется, скорее, какими-нибудь случайными по отношению к восприятию факта процессами.

Все это означает, что восприятие должно осуществляться в объективно хороших эпистемологических условиях, при которых отсутствуют какие-либо искажения сознания. В этих условиях мы также не должны сталкиваться с ситуациями, подобными той, которая часто обсуждается в эпистемологии, когда мы попадаем в деревню, где среди нормальных амбаров наличествуют и просто декоративные постройки (фасады), выглядящие как амбары и которые не могут быть отличены от обычных амбаров посредством рассмотрения со стороны.

Перцептивный опыт должен также осуществляться в субъективно хороших эпистемологических условиях, которые исключают наличие опровержения, способного заставить нас сомневаться в том, что мы видим. Если наш опыт не удовлетворяет этому условию, то, даже находясь в объективно хороших эпистемологических условиях для наблюдения, обладая достоверным восприятием и видя, что p , мы тем не менее не можем сказать, что знаем то, что воспринимаем. Находясь в нормальной деревне, но сталкиваясь с обманщиком, который пытается убедить нас, что мы находимся в деревне с ложными амбарами, мы, очевидно, задумаемся, действительно ли то, что мы наблюдаем, является амбаром. Это важный принцип, который позволяет развести видение определенного факта и его знание. Если мы учитываем это условие, то мы можем сказать, что видение факта p является не просто иной формой знания, а выступает именно как основание нашего знания, что p .

Перцептивный опыт, в котором выполняются все условия, Притчард обозначает термином «хороший+». Опыт, который осуществляется в субъективно плохих эпистемологических условиях, маркируется как «хороший». С точки зрения самого восприятия это хороший опыт, но он не приводит нас к знанию того, что мы видим. Этим двум видам опыта Притчард противопоставляет набор «плохих» перцептивных ситуаций, которые отличаются друг от друга варьированием обозначенных параметров.

Согласно эпистемологическому дизъюнктивизму, мы обладаем перцептивным знанием благодаря рефлексивному доступу к воспринимаемому факту. В хорошей+ ситуации знание, которым мы обладаем, подкрепляется как раз основанием, которое рефлексивно доступно и фактуально. Опираясь на рефлексивный анализ различных

перцептивных ситуаций, мы можем заключить, что только в ситуации «хорошо+» мы обладаем рациональным основанием, которое являются одновременно и рефлексивно доступным, и фактуальным, для нашего убеждения, что *p*. Таким образом, находясь в ситуации «хорошо+», мы можем сделать вывод о том, что мы знаем, что находимся в ситуации «хорошо+», а не в какой-либо иной перцептивной ситуации. Данное заключение позволяет нам также сделать вывод, что мы можем интроспективно отличить хорошую+ ситуацию от «плохой», что, очевидно, невозможно. Собственно, этот вывод и порождает проблему отличия.

Однако, как отмечает Притчард, последний вывод должен быть скорректирован, поскольку он основывается на принципе различения. Отбрасывая принцип различения, мы можем представить его как вывод о том, что мы способны посредством интроспекции *и априорных рассуждений*, опирающихся на принцип предпочтения, рефлексивно (*а не просто интроспективно*) отличить два вида опыта. Решая таким образом проблему отличия, мы устраняем препятствие для принятия эпистемологического дизъюнктивизма.

Конечно, скептик может продолжить выдвигать возражения, представленные в разных формах. Если возражение является простым, эпистемологически немотивированным указанием на возможность ошибки и реализации плохого сценария восприятия, то его можно отклонить, опираясь на принцип предпочтения и рефлексивные соображения, отмеченные выше. Возражение скептика может быть мотивированным, если он действительно указал, каким образом мы можем ошибиться, например в случае с зоопарком он мог бы указать на то, что слышал от кого-то, что директор зоопарка перекрашивает мулов, чтобы выдать их за зебр. Однако в этом случае мы уже не оказываемся в хорошей+ ситуации. Мы сталкиваемся с субъективно плохими эпистемологическими условиями, когда имеющиеся опровержения блокируют переход от видения, что *p*, к знанию, что *p*. В этом случае мы можем попытаться подкрепить принцип предпочтения другими свидетельствами и перевести ситуацию просто хорошего перцептивного опыта в хорошую+ ситуацию.

Дело в том, что перцептивное знание не зависит от «простого смотра». Оно также основывается на всей системе фонового знания, которым мы обладаем. Притчард следующим образом пишет об этом: «В конце концов, перцептивное знание может, по крайней мере, иногда – а возможно часто или даже всегда – привлекать широкий спектр специализированного экспертного знания и базового знания. Без подобного экспертного и базового знания можно смотреть сколько угодно и все же не прийти к знанию того, что из этого следует» [Pritchard, 2012, p. 77]. Наличие такого фонового знания и априорного размышления, основанного на нем, позволяет нам предпочесть свидетельства в пользу того тезиса, который мы отстаиваем.

Например, мы можем возразить скептику, указав на ряд оснований, которые опровергают распространяемые слухи о директоре зоопарка.

Нужно отметить, что подобные соображения нельзя применить для отклонения радикального скептицизма, поскольку он ставит под сомнение все наше знание, в том числе и фоновое. Однако радикальный скептицизм не является мотивированным скептицизмом. Это просто указание на возможность глобальной ошибки без демонстрации того, как именно мы можем совершить эту ошибку, как она могла бы быть исправлена. Поскольку же это – версия немотивированного скептицизма, постольку для ее отклонения достаточно рефлексивных рассуждений, основанных на принципе предпочтения.

Критика неомуреанизма Притчарда

Свой подход Притчард рассматривает как вариант стратегии опровержения скептицизма, предложенной Муром, обозначая его как неомуреанизм. Как уже было отмечено, стратегия Мура основывается на утверждении антецедента условной посылки, в которой из утверждения знания фактов, представленных в перцептивном опыте, делается переход к знанию отрицания скептического сценария. Преимуществом подхода Мура является то, что утверждаемое им знание является повседневным, дотеоретическим, основанным на здравом смысле. Скептическое же утверждение является результатом выдвижения некоторой гипотезы, сформулированной в рамках определенной теории. В этом смысле бремя доказательства ложится на того, кто выдвигает такую теорию.

Стратегию Мура можно упрекнуть в предвосхищении основания. Опровергая скептицизм, Мур просто утверждает то, что ставится скептиком под сомнение. Притчард пишет следующее о том, чего не хватает стратегии Мура: «По крайней мере, определенного вида диагностическая история должна быть предложена сторонниками Мура для объяснения интуитивной привлекательности радикального скептицизма, поскольку без такой истории мы, как кажется, обходим проблему стороной. Частью этой диагностической истории неизбежным образом будет эпистемологическая теория, которая поддержит предлагаемый взгляд, – теория, которая объясняет, например, как мы в конечном итоге можем знать отрицание гипотезы радикального скептицизма, несмотря на наши первоначальные интуиции на ее счет» [Pritchard, 2012, p. 114]. Притчард полагает, что предлагаемая им эпистемологическая теория позволяет преодолеть недостатки стратегии Мура.

Неудовлетворительность стратегии Мура также связана со статусом самих утверждений знания, подобных утверждению «Я знаю,

что это – моя рука», на что указал еще Витгенштейн [Витгенштейн, 1994а]. Притчард объясняет этот факт тем, что эксплицитное выражение знания в разговорном контексте порождает разговорную импликацию, репрезентирующую субъекта как способного к различению достоверного и искаженного восприятия, даже если он не способен провести подобное различие. Отмечая этот момент, Притчард делает вывод, что «муровские утверждения могут быть одновременно неуместными в разговорном плане и все же полностью истинными» [Pritchard, 2012, p. 150]. Однако такой вывод, как представляется, не соответствует тому, что имел в виду Витгенштейн, когда критиковал Мура, пытавшегося опровергнуть картезианского скептика утверждениями «Я знаю, что это – моя рука». Согласно Витгенштейну, эпистемический статус данных пропозиций отличен от знания, которое может быть подвергнуто сомнению.

В работе «О достоверности» [Витгенштейн, 1994а] Витгенштейн атакует радикальный скептицизм. Эту версию скептицизма мы можем также обозначить как глобальный скептицизм, поскольку она основывается на допущении возможности универсального сомнения. Критикуя глобальный скептицизм, Витгенштейн указывает: «Всеохватывающее сомнение не было бы сомнением» [Там же, с. 376]. Для того чтобы сомнение было осмысленным, необходимо, чтобы оно допускало что-то несомненное, такие достоверности, в которых мы уже не можем усомниться. Витгенштейн пишет: «Игра в сомнение уже предполагает уверенность» [Там же, с. 338]. Раскрывая этот тезис, он отмечает: «То есть *вопросы*, которые мы ставим, и наши сомнения зиждутся на том, что для определенных предложений сомнение исключено, что они словно петли, на которых держится движение остальных [предложений]... Если я хочу, чтобы дверь отворилась, петли должны быть закреплены» [Там же, с. 362].

Притчард обозначает суждения, в которых мы не можем сомневаться, которые обеспечивают саму возможность сомнения, термином «петельные пропозиции» [Pritchard, 2011]. С этим нельзя согласиться, ведь пропозиции являются тем, что мы можем знать. Однако, согласно Витгенштейну, «“Знание” и “уверенность” принадлежат к разным *категориям*» [Витгенштейн, 1994а, с. 358]. Лучше последовать за Д. Мойал-Шаррок и обозначить их термином «петельные достоверности». Мойал-Шаррок пишет: «Хотя они часто напоминают эмпирические выводы, базовые достоверности... представляют собой бесосновное, непропозициональное основание знания, а не его объект» [Moyal-Sharrock, 2016, p. 25].

Мойал-Шаррок раскрывает непропозициональность этих достоверностей, указывая на две перспективы, из которых мы можем их рассматривать. С феноменологической точки зрения состояния уверенности, обеспечиваемые петельными достоверностями, предстают

как «нерефлексивные способы действия»: «Витгенштейн описывает, каково быть в состоянии петельной уверенности; иметь такое отношение, как базовая уверенность, – и ответ таков: это – нечто, подобное способу действованию, знание-как или рефлекторное действие (например, захватывание без всяких мыслей полотенца с вешалки)». С категориальной точки зрения «они имеют статус грамматических правил» или рамок мышления, которые «управляют нашей практикой придания смысла чему-либо» [Moyal-Sharrock, 2016, p. 33].

Эти правила формируют основания наших социальных практик, языковых игр, которые рассматривались Витгенштейном как формы жизни. Понимание правил обеспечивается не интерпретацией, а нерефлексивной способностью действовать определенным образом. Как писал Витгенштейн: «Повинуясь правилу, я не выбираю. Правилу я следую слепо» [Витгенштейн, 1994b, с. 167]. Иначе говоря, участники языковых игр вполне могут не осознавать эти правила и не быть способными их четко сформулировать.

Несмотря на то, что петельные достоверности эксплицитно не артикулируются в повседневной жизни, они «могут быть вербально воспроизведены в эвристических целях» [Moyal-Sharrock, 2016, p. 30]. Мойал-Шаррок пишет: «их высказывания, можно сказать, являются случаями “упоминания”, а не “использования” и поэтому не могут рассматриваться как бессмысленные, как это происходит, когда они произносятся в неэвристическом дискурсе» [Ibid., p. 34]. Сами по себе состояния петельной достоверности несомненны, но, артикулировав их, мы можем не только упомянуть их в эвристических целях, но и использовать в качестве суждений, которые претендуют на передачу истины. В этом случае мы можем столкнуться с теоретическими разногласиями. Как подчеркивает Мойал-Шаррок: «Петля никогда не может подвергнуться сомнению, тогда как двойник петли (т.е. предложение-двойник, выражающее эмпирическую или эпистемологическую пропозицию) может быть оспорен, и это вводит нас в заблуждение, заставляя думать, что в некоторых случаях сама петля может вызывать сомнения» [Ibid., p. 27].

Опираясь на данную Мойал-Шаррок интерпретацию идей Витгенштейна, мы можем сказать, что утверждения Мура как раз представляют собой подобного рода «петельные достоверности». Это значит, что они не должны рассматриваться как пропозиции, которые могут быть оценены как истинные или ложные. Соответственно, они не могут использоваться как части конструктивного подхода по разработке теории перцептивного знания, который предлагает Притчард. Такой вывод, в свою очередь, не позволяет нам рассматривать эпистемологический дизъюнктивизм как основание для конструктивного решения, преодолевающего спор интерналистов и экстерналистов. Скорее, эту позицию следует рассматривать как результат квиетистской стратегии по преодолению скептицизма.

Заключение

В статье рассматривался вопрос о том, позволяет ли нам решить проблему обоснования перцептивного знания такая современная теория восприятия, как эпистемологический дизъюнктивизм. Для того чтобы положительно ответить на этот вопрос, необходимо решить проблему отличия достоверного опыта от искаженного. Макдауэл, занимая квиетистскую позицию, не предлагает никакого решения данной проблемы. Можно сказать, что для него эпистемологический дизъюнктивизм является лишь следствием, конечным результатом преодоления картезианского скептицизма и разрыва между сознанием и миром, но не теорией, отталкиваясь от которой мы можем решить проблему обоснования перцептивного знания. Притчард же полагает, что мы можем решить проблему отличия достоверного опыта от искаженного. В таком случае эпистемологический дизъюнктивизм действительно можно было бы рассматривать как «святой грааль» эпистемологии, как теорию, преодолевающую спор интерналистов и экстерналистов и предлагающую вариант обоснования перцептивного знания. Однако решение Притчарда уязвимо для критики. Позиция Притчарда, которую он обозначает как неомуреанизм, наследует те же недостатки, которые присутствовали в муровской стратегии опровержения скептицизма и на которые указывал Витгенштейн. Если мы принимаем критические замечания Витгенштейна в адрес Мура, то следует признать, что Притчарду не удалось показать, что эпистемологический дизъюнктивизм является решением проблемы обоснования перцептивного знания.

Список литературы

Витгенштейн, 1994а – *Витгенштейн Л.* О достоверности / Пер. с нем. М. Козловой, Ю. Асеева // *Витгенштейн Л.* Философские работы. Ч. 1. М.: Гнозис, 1994. С. 321–405.

Витгенштейн, 1994б – *Витгенштейн Л.* Философские исследования / Пер. с нем. М. Козловой, Ю. Асеева // *Витгенштейн Л.* Философские работы. Ч. 1. М.: Гнозис, 1994. С. 75–319.

Кант, 1994 – *Кант И.* Критика чистого разума / Пер. с нем. Н. Лосского сверен и отредактирован Ц.Г. Арзаканяном и М.И. Иткиным. М.: Мысль, 1994. 591 с.

Мур, 1993 – *Мур Дж.Э.* Доказательство внешнего мира / Пер. с англ. И.В. Борисовой, А.Л. Золкина, А.А. Яковлева // *Аналитическая философия. Избранные тексты* / Под ред. А.Ф. Грязнова М.: Издательство МГУ, 1993. С. 66–84.

Селларс, 2021 – *Селларс У.* Эмпиризм и философия сознания / Пер. с англ. Г.С. Рогомян; науч. ред. Л.Б. Макеевой. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021. 218 с.

References

Dretske, 2008 – Dretske, F. “Epistemic Operators”, in: E. Sosa, J. Kim, J. Fantl & M. McGrath (eds.). *Epistemology: An Anthology*. Oxford: Blackwell, 2008, pp. 237–246.

Kant, I. *Kritika chistogo razuma* [Critique of Pure Reason], trans. by N. Losskii, ed. by Ts.G. Arzakanyan & M.I. Itkin. Moscow: Mysl', 1994, 591 p. (Trans. into Russian)

McDowell, 1996 – McDowell, J. *Mind and World. With a New Introduction by Author*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1996, 191 p.

Moore, G.E. “Dokazatel'stvo vneshnego mira” [Proof of an External World], trans. by I.V. Borisova, A.L. Zolkin & A.A. Yakovlev, in: *Analiticheskaya filosofiya. Izbrannye teksty* [Analytic Philosophy. Selected Papers], ed. by A.F. Gryaznov. Moscow: Izdatel'stvo MGU, 1993, pp. 66–84. (Trans. into Russian)

Moyal-Sharrock, 2016 – Moyal-Sharrock, D. “The Animal in Epistemology: Wittgenstein's Enactivist Solution to the Problem of Regress”, in: A. Coliva, D. Moyal-Sharrock (eds.). *Hinge Epistemology*. Leiden, Boston: Brill, 2016, pp. 26–47.

Pritchard, 2011 – Pritchard, D. “Wittgensteinian Pyrrhonism”, in: D. Machuca (ed.). *Pyrrhonism in Ancient, Modern, and Contemporary Philosophy*. Dordrecht: Springer, 2011, pp. 139–202.

Pritchard, 2012 – Pritchard, D. *Epistemological Disjunctivism*. Oxford: Oxford University Press, 2012, 167 p.

Sellars, W. *Empirizm i filosofiya soznaniya* [Empiricism and the Philosophy of Mind], trans. by G.S. Rogonyan; ed. by L.B. Makeeva. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2021, 218 p. (Trans. into Russian)

Wittgenstein, L. “Filosofskie issledovaniya” [Philosophical Investigations], trans. by M. Kozlova & U. Aseev, in: L. Wittgenstein. *Filosofskie raboty* [Philosophical Papers], vol. 1. Moscow: Gnosis, 1994, pp. 75–319. (Trans. into Russian)

Wittgenstein, L. “O dostovernosti” [On Certainty], trans. by M. Kozlova & U. Aseev, in: L. Wittgenstein. *Filosofskie raboty* [Philosophical Papers], vol. 1. Moscow: Gnosis, 1994, pp. 321–405. (Trans. into Russian)